

“ЦВЕТ НЕБЕСНЫЙ” В ЯЗЫКЕ РИМСКОЙ ЭЛЕГИИ

Цветовая палитра римской элегии может показаться усеченной в области зеленого и синего цвета. Помня о прекрасных образах небесной синевы в русской поэзии, начиная с древнерусских “ястребов и кречетов возлетеша под синие небеса” и пушкинских “голубых небес”, невольно задаешься вопросом, почему в элегическом (лирическом по своей сути) стихе подобные образы отсутствуют. Переведя недоумение в лингвостилистическую плоскость, попробуем представить приоритеты формирования элегических хроматических формул (ХФ) – регулярных сочетаний существительного с цветообозначающим прилагательным. ХФ возникают одновременно с поэтическим языком и присутствуют на всех этапах его развития. Так, в языке римской элегии мы регулярно сталкиваемся с формулами *caerulea unda*, *cana coma*, *candida pes*, *lutea Aurora* и др.

Наивная картина мира, проецируемая в поэтический язык, необходимо нуждалась в ХФ для вербализации основных концептов пространства и времени, представляемых преимущественно в виде зрительных картинок. “Безусловное доминирование зрения над остальными органами чувств в наивной картине мира”¹ отражалось в раннепоэтической квалификации окружающих предметов (явлений) прежде всего по цвету/свету или размеру/форме. С учетом фольклорного опыта других народов можно гипотетически допустить существование и в скудном (или не сохранившемся) римском песенном фольклоре ХФ образца “светлое солнце”, “синее море”, “алая заря”.

По аналогии с семантическими примитивами современной когнитивистики назовем их формульными поэтическими примитивами.

ХФ-примитив включает эпитет, отражающий цвет, постоянно присутствующий предмету или явлению (тавтологический в соответствии с известной классификацией А. Веселовского).² По мере распада первоначального фольклорного языкового единства³ и формирования литературного языка следует ожидать преобразования ХФ-примитива в разнообразные поэти-

¹ Е. А. Урысон. Синтаксическая деривация и наивная картина мира // *Вопросы языкознания* 4 (1996) 31.

² А. Н. Веселовский. *Историческая поэтика* (Л. 1940) 81 – 82; И. В. Арнольд. *Стилистика английского языка* (Л. 1981) 89.

³ С. Е. Никитина. Язык сознания и самосознание личности в народной культуре // *Язык и личность* (М. 1989) 37.

ческие формулы в языке разных эпох, жанров (стихотворных размеров), идиостилей. Например, ХФ-примитив “светлое солнце” в языке римской дактилической поэзии будет варьироваться от *albus sol* Энния (*Ann.* 93 Warmingt.), до *sol, qui candido curru* Акция (*Phoenis.* 585), *candidi soles* Катутлла (8, 3), *niveos solis euntis equos* Овидия (*Amor.* II, 1, 24) и т. п. В диахронии, таким образом, можно “вытянуть” цепочку вербализаций ХФ-примитива в своеобразное генеалогическое древо, в синхронии речь идет о формульном поле с инвариантом “светлое солнце”. Следует оговориться, что поэтическая формула этой статьи не тождественна ни эпической формуле, активно изучавшейся со времен Витте и Парри,⁴ ни ритмико-синтаксической (просодической) формуле, присутствующей в любой традиционной поэзии, в том числе латинской дактилической.⁵ Для тех и других обязательна не только лексическая (полная или частичная) повторяемость, но и фиксированная метрическая позиция. Хотя ХФ может выступать как эпическая или просодическая формула, семантико-стилистический критерий ее выделения предполагает метрическую и грамматическую свободу реализации при единстве семантического инварианта.

Но и при формально свободном представлении ХФ мы не обнаруживаем в языке элегии убедительного аналога примитиву “синее небо”. Элегическая палитра сияет тремя цветами: красным, белым и желтым. Контурным выступает черный тон, хотя для *niger* и особенно для *ater* равноправным является и метафорическое использование. Впрочем, даже при выдвигении в структуре значения цветового прилагательного вторичной семы (“неблагоприятный” для *niger*) оно сохраняет первичную (цветовую) сему в качестве фоновой, тем самым участвуя в имплицитной хроматизации текста.⁶

Выбор элегиками красно-бело-желтой гаммы (“теплые тона”) хорошо соотносим с любовной тематикой элегии, с престижными урбанистическими символами эпохи (пурпур – мрамор – золото), но глав-

⁴ K. Witte. Zur Flexion homerischer Formeln // *Glotta* 3 (1912); M. Parry. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-making, I: Homer and the Homeric Style // *Harvard Studies in Classical Philology* 41 (1930).

⁵ J. Hellegouarc’h. Fabricator poeta: existe-t-il une poésie formulaire en latin? // *Revue des études latines* 62 (1984) 172 sq.; В. П. Смышляева. *Лицевой синтаксис римской элегии* (Уфа 1999) 124 и сл.

⁶ Имплицитная хроматизация в рамках этой лингвостилистической статьи ограничивается примерами, когда текстом актуализируется присутствующая, но не доминирующая в значении слова цветовая сема, например “красный цвет” в словах *sanguis, sanguineus* (Ов. *Amor.* II, 1, 23 *carmina sanguineae deducunt cornua lunae*). Но вторичная сема может и полностью нейтрализоваться контекстом: Tib. I, 6, 66: *Quidquid agit, sanguis est tamen illa tuus* (“Что бы она ни делала, она твоей крови”).

⁷ В. А. Москвич. *Статистика и семантика* (М. 1969) 54.

ное – связывает элегию с традиционными эпическими формулами. Цвета крови, пурпура, золота, блеск небесных и земных дворцов, доспехов определяли эпическую палитру. В любовной поэзии символика эпических формул может меняться. Золото как универсальный символ эпической власти (блеск солнца и доспехов вождей сливается в эпическом, и не только гомеровском, тексте)⁸ в элегии приобретает скорее негативные коннотации. Красный цвет, оставаясь в элегических ХФ символом красоты и престижа, меняет эпические ассоциации (красивые битвы и раны) на лирические (*ignis Veneris*).

Обратимся для иллюстрации к синонимическому ряду прилагательных “белый” в стихе Тибулла и Вергилия. Н. Баран предлагает для Вергилия следующие данные: *albus* 34, *candidus* 29, *niveus* 23, *canus* 11, *marmoreus* 10, *nivalis* 5, *lacteus* 4, *eburneus* 2, *argenteus* 1.⁹ В I–II книгах Тибулла синонимия белого цвета представлена скромнее: *albus* 3, *candidus* 8, *canus* 6, *niveus* 6, *eburnus* 1 (в последнем хроматизация имплицитна: I, 7, 8 *portabat niveis currus eburnus equis*). Сужение синонимического ряда у Тибулла естественно объясняется меньшим объемом текста и меньшим тематическим диапазоном. Но показательна его структурная перестройка – ослабление позиций нейтрального *albus*. Тибулл сохраняет его в трех “прозаических” контекстах: Tib. I, 4, 30 *populus alba* (вид дерева); 7, 18 *alba columba* (цвет оперения); 8, 45 *albos a stirpe capillos* (некрасивая седина). То же можно сказать о нейтральном члене синонимического ряда “красный” *ruber*, который используется Тибуллом лишь в описании фигурки Приапа (I, 1, 17) и названии моря (II, 4, 30).

Распределив употребительные в элегических ХФ прилагательные по трем группам: с нейтральным значением (*ruber – albus – fulvus – niger*), с мелиоративным значением (*roseus, puniceus, purpureus – niveus, candidus, marmoreus – flavus, luteus*) и с пейоративным значением (*cruentus, sanguineus – pallidus, canus – ater*), отметим ослабление в элегии позиций прилагательных первой группы и активизацию прилагательных второй группы.¹⁰ Критерии отбора цветовых прилагательных в целом понятны. Во-первых, элегическим языком отбира-

⁸ Б. Гаспаров. *Поэтика “Слова о полку Игореве”* (М. 2000) 149.

⁹ N. Baran. Les caractéristiques essentielles du vocabulaire chromatique latin // *ANRW* 29 (1983) 351.

¹⁰ Это представление сделано по большинству контекстов, тогда как в единичных случаях контекст может способствовать семантическому и эмотивному сдвигу: в Cat. 67, 46 *ne tollat rubra supercilia* у прилагательного *ruber* значение смещается к границе желтого цвета и появляются отрицательные коннотации при описании внешности несимпатичного человека.

ются прилагательные, в которых, наряду с цветовой, присутствует сема света (блеска) – например, *flavus, candidus*.¹¹ Прилагательные, сужая или наращивая круг актантов, способны менять структуру значения.¹² Так, элегическое *candidus* резко увеличивает синтаксическую валентность, сочетаясь с существительными разной семантики (*sol, Aurora, lux, nox, pax, omen, pes, dens, os, vestigium, facies, puella, lector* и др.). Символика белого цвета неоднозначна в рамках любой культуры.¹³ В элегической картине мира семантика белого цвета от пейоративного полюса (смерть, старость) сдвигается к полюсу “белого света” (блеск солнца), символизирующему жизнь. Элегическое *candidus* аккумулирует мелиоративные оттенки цвета “белый”, что ведет к расширению и размыванию его значения. В формулах с *candidus* активизируется вторичная сема “ослепительно белый > красивый > выдающийся” (*candida puella, candidus lector*). Немаловажно, что производные прилагательные вроде *argenteus, marmoreus* не могли соперничать с *candidus* и по техническим причинам: их наиболее востребованные элегией формы с флексией *-a* либо невозможны без элизии (*marmorea*), либо позиционно ограничены (так, *argentea* невозможно в начале стиха). Эпическое сияние легко проникает и в земной пейзаж.¹⁴

Во-вторых, элегия активно использует отсубстантивные прилагательные (*roseus, niveus, purpureus*). В последнем случае благодаря фоновому присутствию ассоциативных полей производящих существительных, развивших семы “красота”, “ценность”, контекст приобретает ценимую поэзией многозначность.

Синий цвет в элегических формулах представлен лишь прилагательным *caeruleus (caerulus)*, а сами формулы объединены инвариантом “синее море”: *caerula verrentes abiegnis aequora palmis* (Cat. 64, 7); *caeruleis placidus per vada serpis aquis* (Tib. I, 7, 14); *nondum caeruleas pinus contempserat undas* (3, 37) и т. п.

В стихе Энния и Лукреция *caeruleus* встречалось и в “небесных” контекстах (например, Enn. Ann. 46: *manus ad caeli caerula templa / ten-*

¹¹ Об оппозиции “матовый – блестящий” в латинском цветообозначении см. подробно в работе: J. André. *Étude sur les termes de couleur dans la langue latine* (Paris 1949).

¹² Г. И. Кустова. Когнитивные модели в семантической деривации и системе производных значений // *Вопросы языкознания* 4 (2000) 88.

¹³ А. К. Гаврилов. Белый траур у греков и римлян (I) // *Hyperboreus* 5 (1999): 2, 206.

¹⁴ Например, в следующем посвящении Сильвану, где цветовые прилагательные (несмотря на наличие в поэтическом языке формул *viridi prato* и *caeruleis undis*) вытеснены световыми (CLE Buech., 250, 5–6): *labitur unda levi per roscida prata Tirinus / Gurgite non alto nitidis argenteus undis*.

debat). Возможно, сопротивление внутренней формы (истинная или ложная этимология *caeruleus* от *caelum*), метрическое неудобство форм единственного числа *caeruleo*, *caerul(um)*, *caerulei*, *caerule(um)* для востребованных стихом *caelo*, *caelum*, *caeli* и избегаемая развитой поэзией анафора членов атрибутивной группы привели к его специализации в “морских формулах”. Сужение валентности могло индуцировать в значении *caeruleus* зеленый оттенок (ср. Prop. IV, 2, 43: *caeruleus cucumtis*) и, как следствие, дополнительно ограничить его использование в ХФ с небесной семантикой.

Но если допустить, что в латинском фольклоре ХФ-примитив “синее небо” все же встречался, естественно ожидать, что поэтический язык найдет для него прилагательное. Язык – динамичная адаптивная система, которая при необходимости может мобилизовать ресурсы внутриязыкового словообразования и желательного семантического развития в заимствованных словах (например, в прилагательном *glaucus*, допускавшем в греческом языке и сочетание с существительными, обозначающими небесные явления). Синий цвет выделялся римлянами, а цветовое и пространственное сближение неба и воды (моря) можно отнести к универсалиям раннего и развитого человеческого сознания. Представления о небесных реках возникали независимо у древних народов,¹⁵ не говоря уж о “водоемах небес” (Иванов), “озере небес” (Заболоцкий), “Волге неба” (Хлебников) и прочих образах современной поэзии.

Однако для описания неба элегии предпочитают *параметрические* характеристики цветовым (*caelum altum* по преимуществу). Параметрические формулы, хотя и близки гомеровскому οὐρανὸς εὐρύς (а сепаратив *caelo* – οὐρανόθεν), могли ввиду их тривиальности развиваться параллельно. То же можно отнести к редким в элегии (где боги не являются активными персонажами) *ролевым* характеристикам неба, метонимически связанного с властью обитающих на нем богов (Prop. III, 1, 2: *caelum Iovis*).

Более экспрессивные характеристики элегического неба являются несомненными перифразами греческих формул: *световая* (например, Cat. 66, 59: *lumen caeli*; Tib. I, 9, 35: *sidera caeli / lucere*; Ov. *Amor.* II, 10, 13: *pleno sidera caelo*) напоминает о гомеровском ἄπ' οὐρανοῦ ἄσπερόεντος (*Il.* XIX, 130); *хроматическая* (например, Ov. *Amor.* II, 5, 35–36: *coloratum Tithoni coniuge caelum / subrabet*) – декоративный для элегии

¹⁵ А. И. Зайцев. *Формирование древнегреческого гексаметра* (СПб. 1994) 60–61; он же. Реки индоевропейской прародины // *Славяне: Этногенез и этническая история*. Отв. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев (Л. 1989) 53–56 = А. И. Зайцев. *Избранные статьи* (СПб. 2002) 127–131.

образ розовеющего неба, восходящий через формулы образца *rosea Aurora* или *roseis equis Eos* также к гомеровской ῥοδοδάκτυλος Ἥως.¹⁶

Образная же номинация дневного (синего) неба в элегии замещена “солнечными” формулами, поддержанными греческой традицией. Возможно, следует учесть то обстоятельство, что некоторые прилагательные, обозначающие синий цвет, в метафорическом использовании легко приобретают отрицательные коннотации (ср. *lividus homo*, *livida lingua*), неуместные для формульного обозначения неба. Вне “морских” формул (“синий Дон”, “синее море”) они ощутимы для прилагательного “синий” и в “Слове о полку Игореве”: “черпают мне синее вино с горем смешанное” и “скакнул от них лютым зверем, объятый синей мглой” (пер. Д. Лихачева; последнее о князе Всеславе Полоцком с его неоднозначной славой оборотня).¹⁷ Отрицательные коннотации при переносе значения преобладают и у английского *blue*.¹⁸ Любопытны также следующие стихи Проперция, где, осуждая окрашивание волос, он упоминает именно о синеватых тонах (Прор. II, 18, 31 – 32):

an si caeruleo quaedam sua tempora fuce
tinxerit, idcirco caerulea forma bona est.

Итак, среди элегических формул следы ХФ-примитива “синее небо” не сохранились. Не исключено, что его не существовало в римском фольклоре: судьбу номинации, как известно, в конечном итоге определяет общество, создавая известный конвенционализм в употреблении слов и словосочетаний.¹⁹ Вербальная картина мира (в ее цветовом представлении) будет отличаться у разных народов, в зависимости от разных факторов, в том числе географических, например освещенности региона.²⁰ Однако решающим в этом вопросе представляется все же влияние эпической греческой поэтики, в которой концепт “небо” оказался очень тесно связанным с концептом “боги”, что и определило предпочтение поэтической традицией формул с более экспрессивными инвариантами “сияющее небо”, “высокое (огромное) небо”, “красное (розовое) небо”.

В. П. Смышляева

Башкирский государственный университет

¹⁶ Varan. *Op. cit.*, 363.

¹⁷ Гаспаров. *Op. cit.*, 267.

¹⁸ Москвич. *Op. cit.*, 48.

¹⁹ *Языковая номинация. Общие вопросы* (М. 1977) 153.

²⁰ В. Г. Гак. Язык как форма самовыражения народа // *Язык как средство трансляции культуры* (М. 2000) 55; Москвич. *Op. cit.*, 55.

The article deals with some aspects of selecting chromatic formulas (models ‘noun + adjective denoting colour’) by the language of the Roman elegy. The prototypes of many chromatic formulas are present in the folklore poetic picture of the world. Entering the poetry of different epochs and genres they form a certain formula field with the invariant (e. g. ‘the light sun’ in Roman poetry > *albus sol; sol, qui candido curru; candidi soles, niveos solis euntis equos* etc). The chromatic formulas of the elegy display a tendency towards the ‘red-white-yellow’ spectrum (‘black’ occurring mostly in metaphorical usage). But the traces of the poetic formula ‘the blue sky’ in the language of the elegy do not manifest themselves: the only adjective with the meaning of ‘blue’ (*caeruleus*) enters the formula field ‘the blue sea’. The scarcity of chromatic formulas with the adjectives ‘blue’, ‘green’ can be accounted for by the influence of the epic language with its colour triad and by the epic approximation of the concepts ‘the sky’ and ‘the gods’, by the meliorative selection of adjectives (with the seme ‘shining’) or adjectives derived from nouns in the meaning of which the semes ‘beauty’ or ‘value’ are present. The development of the formula ‘the blue sky’ might have also been hampered by the metrical inconvenience of the forms *caeruleus* in the singular and by the negative connotations of the transferred meaning of the adjective ‘blue’ in many languages. In designating ‘the day sky’ the more expressive formulas of the ‘shining sun’ dominate.